МИНІАТЮРНАЯ БИБЛІОТЕКА
„НАУКА и ЖИЗНЬ“

Кажд. вып. 5 коп. № 32. Кажд. вып. 5 коп.

П. А. Сорокинъ.

Символы въ общественной жизни.



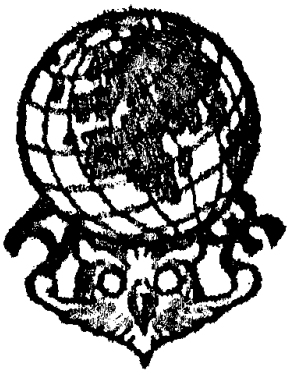
·РИГА·
Изданіе „НАУКА и ЖИЗНЬ“
Печатано въ типографіи К. Зейберлиха въ Ригѣ

Миніатюрная Библіотека
„Наука и Жизнь“.

Каждый выпускъ 5 коп. **№32.** Каждый выпускъ 5 коп.

П. А. Сорокинъ.

СИМВОЛЫ ВЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.



РИГА.
Изданіе „Наука и Жизнь“.

Пров 38

Оглавленіе.

	Стр.
I. Загадка символа	3— 5
II. Понятіе символа	6—13
III. Главные виды символовъ . .	13—27
IV. Происхожденіе и вліяніе символовъ	27—48



14
39

Типогр. К. Зейберлихъ, Рига, мл. Монетная 25.

Символы въ общественной жизни.

I.

Загадка символа.

Вѣроятно каждому въ жизни приходилось видѣть или слышать о томъ, какъ солдаты на полѣ битвы умирали за свое знамя, не желая отдать его врагу, какъ полиція преслѣдовала всякія шествія только потому, что надъ идущей толпой развѣвался красный или черный флагъ, какъ та же полиція снимала съ траурныхъ вѣнковъ красныя ленты; точно также, вѣроятно, приходилось слышать и о томъ, что рядъ предметовъ, напр., «зерцало», стоящее на столѣ суда, различные священные предметы, какъ, напр., различные идолы у дикарей, религіозныя реликвіи у нѣкоторыхъ народовъ—считаются особенно священными, и особенно строго карается всякое издѣвательство надъ ними. Не будемъ перечислять пока

другіе примѣры, а остановимся на приведенныхъ и спросимъ себя: въ чемъ собственно секретъ того, что эти предметы — знамя, зерцалю, священныя реликвіи и т. д. — пользуются какимъ-то особеннымъ значеніемъ? Съ перваго разу можетъ показаться, что нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что за знамя умираютъ цѣлыя роты солдатъ. Но стоитъ немного подумать, и этотъ фактъ покажется довольно загадочнымъ. Въ самомъ дѣлѣ — что такое знамя само по себѣ? Да простой лоскутокъ матеріи — и только. И вотъ за этотъ-то лоскутокъ люди съ готовностью отдаютъ жизнь, не желая видѣть его въ рукахъ непріятеля.... Равнымъ образомъ, какую опасность могутъ представлять красныя ленты траурнаго вѣнка? Развѣ это не простыя тряпки, не такія же тряпки, какъ и бѣлыя ленты, и, однако, бѣлыя ленты не срываются, а красныя срываются.

Изъ сказаннаго видно, что эти явленія, съ перваго взгляда кажущіяся само собой понятными, не такъ-то просты. Очевидно, въ нихъ кроется какой-то секретъ. Въ противномъ случаѣ пришлось бы думать, что солдаты умираютъ просто за полотнище на шестѣ,

что полиція срываетъ красныя ленты просто потому, что ей не нравится красный цвѣтъ. Но то и другое предположеніе абсурдно, ибо на томъ же полѣ битвы сколько тряпокъ валяется, и никто и не подумаетъ умирать за нихъ; у самой же полиціи галуны краснаго цвѣта, и полиція однако ихъ не срываетъ; а она должна была бы срывать ихъ, если бы причиной срыванія было то обстоятельство, что красный цвѣтъ ей не нравится.

Отсюда слѣдуетъ, что дѣло въ приведенныхъ примѣрахъ обстоитъ нѣсколько сложнѣе, что солдаты умираютъ не просто за матерію, а за что-то иное, что заключено или что приписывается этой матеріи или красной лентѣ. Иначе говоря, знамя-матерія и лента-матерія, очевидно, — символы чего-то такого, что придаетъ имъ всю важность и все значеніе: Именно это-то «нѣчто», символизируемое знаменемъ или лентой, и заставляетъ солдатъ умирать за знамя, а полицію срывать ленты.

Этимъ самымъ мы подходимъ вплотную къ проблемѣ соціальнаго символизма, которую и постараемся кратко очертить въ послѣдующихъ строкахъ.

II.

Понятіе символа.

Въ виду того, что понятіе символа и символизма употребляется различными авторами въ различномъ смыслѣ, и въ виду того, что соціальный символизмъ — тема относительно новая, условимся заранѣе, что мы будемъ понимать подъ символомъ и символизмомъ, а отсюда потомъ уже само собой будетъ ясно, что такое соціальный символизмъ и какую роль онъ играетъ въ нашей общественной и личной жизни.

«Символъ — это конкретное представленіе, которое непосредственно вызываетъ другое представленіе, не отличающееся такой же наглядностью, какъ первое» — такъ опредѣляетъ символъ Гефдингъ. (Очерки психологіи, 151 стр.) Такъ, напр., пучекъ стрѣлъ, съ этой точки зрѣнія, есть символъ единенія, орелъ — символъ парящей мысли и т. д.

Это опредѣленіе имѣетъ свои достоинства; однако, мы не можемъ его принять вслѣдствіе его узости, а почему оно узко — выяснимъ сейчасъ.

Въ окружающемъ насъ мірѣ мы не можемъ не видѣть двоякаго рода

явленій, а именно, явленій душевныхъ или психическихъ, и не-психическихъ или, какъ обычно обозначаются послѣднія, матеріальныхъ. Не вдаваясь здѣсь въ излишнія тонкости, обратимъ наше вниманіе на одну черту, рѣзко различающую другъ отъ друга эти два класса явленій. Вотъ передъ нами к а м е н ь («матеріальный предметъ»). Онъ имѣетъ извѣстную форму, скажемъ кубическую, извѣстный вѣсъ, занимаетъ опредѣленное пространство, имѣетъ извѣстныя физическія и химическія свойства и т. д.; однимъ словомъ — онъ в е щ е с т в е н е нъ. Иначе дѣло обстоитъ съ душевными явленіями, въ частности съ м ы с л ь ю. Представимъ себѣ, что мы думаемъ сейчасъ о томъ, что «2×2=4». Если внимательно углубимся въ эту мысль, то мы увидимъ, что сама по себѣ мысль 2×2=4 не имѣетъ ничего матеріальнаго или вещественнаго. Мы не можемъ сказать, гладка или шероховата эта мысль, какого она цвѣта, четырехугольная она или круглая, тверда или мягка; не можемъ далѣе мы сказать о ней и, какой вѣсъ этой мысли, каковы ея химическія и физическія свойства, а равнымъ образомъ, гдѣ находится эта

мысль и какое пространство она занимаетъ. Обычно говорятъ, что она находится въ головѣ; но гдѣ, сверху или снизу, съ праваго боку или съ лѣваго виска; — мы не знаемъ этого; мало того, по существу нельзя говорить даже, что мысль находится въ головѣ. Пусть самый знаменитый анатомъ разрѣжетъ мозгъ на мельчайшія пылинки, и все-же эту мысль — 2×2=4 — онъ не найдетъ и не сможетъ указать, гдѣ она находится. Выходитъ, такимъ образомъ, что мысль — безплотна, что она — «чистый духъ» и, какъ таковой, не обладаетъ никакой вещественностью и ея признаками. Иначе говоря, мысль есть чистая мысль — таково ея тавтологическое опредѣленіе.

Но если она безплотна, если мы ее ни измѣрить, ни ощупать, ни взвѣсить, ни въ реторту положить не можемъ, то, можетъ быть, ея вовсе нѣтъ? — И этого нельзя сказать, ибо въ чемъ другомъ, а въ существованіи мысли мы менѣе всего можемъ сомнѣваться, ибо само уже сомнѣніе въ существованіи мысли есть мысль.

Такимъ образомъ, не вдаваясь въ детали, мы приходимъ къ заключенію,

что мысль безплотна, невещественна, внѣпространственна, не имѣетъ никакой пространственной формы, ни физическихъ, ни химическихъ свойствъ и т. д., и, вмѣстѣ съ тѣмъ, она несомнѣнно существуетъ.

Запомнимъ это и пойдемъ дальше, а именно, спросимъ себя: а что, если бы вздумали не только мыслить 2×2=4, а и передать эту мысль другому? Какъ это было бы возможно?

Передать другому камень легко, взялъ въ руки и передалъ въ руки — и дѣло сдѣлано. Но мысль вѣдь не камень, она, какъ мы сказали, невещественна, неосязаема и т. д. Слѣд., передать мысль непосредственно какъ чистую мысль — нельзя. Чтобы можно было ею подѣлиться, она должна «облечься» въ тѣ или другія «вещественныя» одежды. Иначе говоря, она можетъ быть передаваема и, такъ сказать, обнаруживаема во внѣ лишь тогда, когда она приметъ «матеріально-вещественную» оболочку. Напр., такой оболочкой для мысли можетъ быть слово (совокупность звуковыхъ комплексовъ), или же письменный знакъ, или же тѣ или иныя дви-

женія (мимика и жесты) и т. д. Вотъ эти-то внѣшнія формы, въ которыя облекается всякая мысль и всякій сознательный актъ, мы и будемъ называть символомъ. Какъ видно изъ сказаннаго, символъ — это лишь внѣшняя «матеріальная» оболочка внутреннихъ сознательныхъ и «нематеріальныхъ» актовъ. Гдѣ нѣтъ мысли — нѣтъ и символовъ. Гдѣ есть мысль — тамъ всякое ея обнаруженіе необходимо будетъ символомъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь мысль 2×2=4 и сами эти значки 2×2=4, символизирующіе ее, не одно и то же.

Что это не одно и то же, видно хотя бы изъ того, что значки мы можемъ перемѣнить, но мысль останется той же. Вмѣсто символовъ 2×2=4, мы ту же мысль можемъ обозначить и такими значками: II . II = IV. Ту же самую мысль можно выразить и словами: «два жды два = четыре». По-нѣмецки слова будутъ иныя, а мысль останется той же... Значитъ, для всякаго своего проявленія мысль нуждается въ овеществленіи, и эти то внѣшнія формы, въ которыхъ обнаруживается мысль, и будутъ символами. Та-

ково наше опредѣленіе символовъ.

Само собой разумѣется, что эти внѣшнія оболочки мысли могутъ быть чрезвычайно разнообразны. Предположимъ, что я мыслю сейчасъ о томъ, что «земля вращается вокругъ солнца». Эту мысль я могу обнаружить путемъ словъ. Слѣдовательно, вся человѣческая рѣчь есть сплошная символика, какъ справедливо уже было доказано Гумбольдтомъ, а у насъ — Потебней. Ту же мысль мы можемъ изобразить знаками, напр., такимъ рисункомъ ☉. Это будетъ нѣчто въ родѣ іероглифической письменности. Или же можно ту же мысль написать рядомъ знаковъ русскаго, французскаго и нѣмецкаго алфавита и т. д. Можемъ то же выразить и жестами, на подобіе жестовъ глухонѣмыхъ и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ «невещественная» мысль для обнаруженія во внѣ требуетъ вещественныхъ знаковъ; этито вещественные знаки и будутъ символами. Безъ символовъ мы въ лучшемъ случаѣ кое-что можемъ мыслить, но обнаруженіе «безплотной» мысли во внѣ безъ символовъ — невозможно. Всякое обнаруженіе мысли или

проявленіе ея во внѣ есть уже необходимо символъ, ибо сама мысль и способъ ея обнаруженія не можетъ быть однимъ и тѣмъ же. Тѣ мысли, которыя содержатся въ какой-нибудь книгѣ, и сама эта книга, какъ совокупность листовъ бумаги и черныхъ значковъ, — не одно и то же. Напр., совокупность этихъ значковъ такова: «Земля вертится вокругъ солнца». Ясно, что значекъ «земля» или „la terre“ или „die Erde“ и сама мысль о землѣ, какъ громадномъ шарѣ съ морями, съ горами и т. д. — не одно и то же. То же относится и къ значку «солнце» или „die Sonne“ или „le soleil“. Значки различны — а мысль одна.

Итакъ, коротко говоря, — «символъ есть значекъ мысли». Гдѣ есть мысль — тамъ есть и символы. А такъ какъ общественная жизнь людей есть жизнь психическая, гдѣ мыслительные процессы совершаются непрерывно, какъ въ одномъ человѣкѣ, такъ и во многихъ людяхъ, и такъ какъ обмѣнъ мыслями, чувствами и переживаніями совершается въ человѣческомъ мірѣ безпрестанно — то отсюда слѣдуетъ, что общественная или соціальная жизнь лю-

дей есть сплошная символика, ибо безъ символовъ невозможно никакое проявленіе какой-угодно мысли. Таковы въ краткихъ чертахъ опредѣленіе соціальнаго символизма и его исходныя точки.

III.

Главные виды символовъ.

И такъ мы живемъ символами и среди символовъ. Теперь слѣдовало бы перейти къ характеристикѣ главныхъ видовъ соціальнаго символизма. Но прежде чѣмъ это сдѣлать, обратимъ наше вниманіе еще на одинъ, чрезвычайно характерный фактъ. Дѣло въ томъ, что символы могутъ быть не только «одностепенные», а «многостепенные». Подобно тому, какъ 2 можетъ быть 2^2, 2^3, 2^4 и т. д. — также и символы можно расположить въ опредѣленный рядъ степеней. Всякій значекъ (или всякое обнаруженіе) той или иной мысли — есть уже символъ, какъ сказано выше. Напр., слово «треугольникъ» есть уже символъ опредѣленной мысли, а именно: «часть пространства, ограниченная тремя прямыми линіями,

имѣющими сумму угловъ, равную двумъ прямымъ». Эти слова или письменные знаки, символизирующіе эту мысль, мы можемъ въ данномъ случаѣ разсматривать, какъ символы первой степени. Но ничто намъ не помѣшаетъ изобрѣсти и «символъ символа» или «значекъ значка», т. е. символъ 2-ой степени. Такимъ символомъ символа (слова «треугольникъ») можетъ быть, напр., такой значекъ △, принятый въ геометріи. Этотъ значекъ (△) мы можемъ разсматривать уже, какъ символъ второй степени. Въ иныхъ случаяхъ это «возведеніе символовъ въ степень» можетъ идти и дальше. Возьмемъ, напр., мысль объ опредѣленномъ душевномъ состояніи, которое выражается словомъ «грусть». Само слово (звуки) является символомъ 1-й степени. Но мы можемъ условиться выражать это слово письменными значками, напр., значками «г-р-у-с-т-ь». Эти значки звукового знака «грусть» можно разсматривать уже какъ символъ 2-ой степени. Но мы можемъ идти и дальше. Въ народныхъ пѣсняхъ грусть часто изображается въ видѣ «темной тучи, легшей на сердце», или въ видѣ «темной ноченьки» (см., напр., украинскую пѣсню

«Черна хмара підъ дуброви разистлалась підъ Дунай»). Здѣсь уже на лицо символъ третьей степени, ибо, вмѣсто значковъ «грусть» или слова, здѣсь данъ уже новый символъ значка. Всѣ поэтическія «метафоры, метонимiи, аллегорiи, тропы, фигуры» и т. д. въ большинствѣ случаевъ и являются такими символами во второй, въ третьей и т. д. степеняхъ.

Указавъ на возможность многочисленности символовъ, перейдемъ теперь къ характеристикѣ главныхъ видовъ «соціальнаго» символизма. Это задача не изъ легкихъ, потому что схватить и сжать въ предѣлахъ нѣсколькихъ рубрикъ все безконечное разнообразіе соціальныхъ символовъ — почти невозможно при необработанности темы — съ одной стороны и въ предѣлахъ маленькой брошюры — съ другой. Въ виду этого мы и не будемъ претендовать на исчерпывающую классификацію соціальныхъ символовъ, а ограничимся лишь указаніемъ наиболѣе типичныхъ видовъ соціальнаго символизма. Основаніемъ нашей классификаціи примемъ тѣ конкретные способы символизаціи, которые имѣются на лицо въ человѣческомъ обществѣ.

Какіе же способы здѣсь даны? Или, иначе говоря, какіе наиболѣе типичные пріемы «обнаруженія мысли» («символизаціи») встрѣчаемъ мы въ человѣческомъ общежитіи?

Эти основные способы таковы:

a) звуковая символизація (рѣчь, восклицанія, пѣніе, музыка и т. д.);

b) свѣтовая, цвѣтовая символизація, почти постоянно соединяющаяся съ пространственной символизаціей (желѣзно-дорожная сигнализація, сигнализація военныхъ судовъ, картины, буквы, надписи и т. д.);

c) въ связи съ послѣдней почти постоянно находится «предметная» символизація («кресты», «зерцала», «знамена», «гербы» и т. д.);

d) въ качествѣ особаго вида можетъ быть выдѣлена чисто двигательная символизація (мимика, жесты и т. д.).

Таковы наиболѣе характерные типы соціальной символики. Ясно, что эта классификація есть классификація очень грубая, но такъ какъ здѣсь мы не преслѣдуемъ достиженія логически-безукоризненной классификаціи, а хотимъ только иллюстрировать наибо-

лѣе типичные виды символики, то мы и ограничиваемся этимъ несовершеннымъ перечнемъ различныхъ способовъ символизаціи, de facto встрѣчающихся почти всегда въ видѣ сложныхъ и комбинированныхъ способовъ. Очертимъ теперь подробнѣе эти способы:

Возьмемъ для примѣра Лермонтовское: «И скучно, и грустно, и некому руку подать въ минуту душевной невзгоды». Если бы передъ нами былъ Лермонтовъ и онъ произнесъ бы эти слова, то мы поняли бы, что онъ переживаетъ то особенное состояніе, которое символизируется словомъ «грусть». Рядъ опредѣленныхъ звуковъ намъ передаетъ душевное состояніе другого, служитъ какъ бы сигнальнымъ знакомъ опредѣленнаго душевнаго состоянія. Таковъ первый примѣръ «звуковой» сигнализаціи (или символизаціи). То же можно было бы передать и иначе. Кто-нибудь изъ насъ, вмѣсто этихъ словъ, можетъ просто запѣть или заиграть на какомъ-нибудь музыкальномъ инструментѣ нѣчто такое, что мы сознаемъ какъ грусть. Напр., возьмемъ «Осеннюю пѣсню» Чайковскаго. Опредѣленный комплексъ звуковъ этой пѣсни говоритъ намъ о той же «гру-

сти» и понятенъ для насъ безъ всякихъ словъ и разъясненій. Таковъ второй примѣръ звуковой символизаціи. И вся наша рѣчь есть ничто иное, какъ сплошная звуковая символизація. Если я скажу: «Весною деревья покрываются зеленью» — то этотъ комплексъ звуковъ (для русскихъ) будетъ чисто звуковой символизаціей опредѣленной мысли. Перечислить всѣ конкретные виды этой символизаціи нѣтъ возможности. Ударъ пушки въ 12 часовъ въ Петербургѣ — есть символъ того, что сейчасъ ровно 12 часовъ; свистокъ паровоза — есть знакъ того, что онъ отправляется; гудки фабрикъ — символъ того, что смѣна кончилась или начинается; звукъ рожка пожарныхъ — символъ пожара и предупрежденія о необходимости дать дорогу и т. д., и т. д. Отсюда понятно, что всякій языкъ можетъ быть опредѣленъ, какъ главный и основной видъ звуковой соціальной символики.

Перейдемъ теперь къ другому виду сигнализаціи, къ цвѣтовой. Намъ приходилось встрѣчать открытки и записки у нѣкоторыхъ «молодыхъ людей» и особенно «барышенъ» съ надписью: «языкъ цвѣтовъ». Этотъ «языкъ цвѣ-

товъ» былъ не только языкомъ цвѣтовъ въ смыслѣ растеній (напр., «роза обозначаетъ пылкую любовь», «лилія — чистоту и невинность», «хризантемы — безнадежную любовь» и т. д.), но цвѣтовъ въ смыслѣ красокъ. Впрочемъ, примѣровъ можно привести и безъ «альбома барышенъ», сколько угодно. Такъ, согласно Вундту, бѣлый цвѣтъ символъ веселья, зеленый — спокойной радости, красный — возбужденія и силы. Таковъ простѣйшій примѣръ цвѣтовой сигнализаціи. Однимъ изъ примѣровъ этого же рода являются и красныя ленты, и красныя флаги, такъ настойчиво преслѣдуемые полиціей (о которыхъ я говорилъ уже выше). Само по себѣ разумѣется, что красный цвѣтъ преслѣдуется не потому, что онъ красный, а потому, что онъ символъ мыслей, хотѣній и чувствъ, враждебныхъ существующему строю. Вотъ въ чемъ та загадка, о которой говорили мы выше. Къ этому же виду сигнализаціи должны быть отнесены и цвѣта государственныхъ флаговъ, символизирующихъ единство государства, или принадлежность того или иного судна съ опредѣленной окраской флага къ соотвѣтствующему государству. Возь-

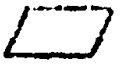
мемъ далѣе опредѣленные цвѣта фонарей различныхъ номеровъ трамвая, различные цвѣта (обычно красный и зеленый), посредствомъ которыхъ символизируется опасность или же безопасность пути для поѣзда (напр., флаги будочниковъ, фонари стрѣлочниковъ и т. д. или цвѣта галуновъ различныхъ вѣдомствъ и т. д.), — что́ все это, какъ не частные виды цвѣтовой символики.

Но мало того; если взять картины, особенно современныхъ декадентовъ-художниковъ, то не трудно понять, что «новаторство» многихъ изъ нихъ заключается именно въ попыткѣ передать опредѣленныя мысли и чувства путемъ простой комбинаціи самихъ цвѣтовъ. Но такъ какъ здѣсь почти всегда этотъ способъ символики соединенъ съ «пространственной» символикой, то болѣе подробно на немъ мы остановимся ниже.

Въ качествѣ особаго вида символики можетъ быть выдѣлена и чисто свѣтовая сигнализація. Возьмите фонарики, находящіеся на мачтѣ парохода; что это такое, какъ не символъ того, что плыветъ пароходъ, и поэтому пусть это видятъ во избѣжаніе столкновенія. Возьмите художествен-

ныя постановки различныхъ пьесъ. Когда авторъ хочетъ показать зрителямъ хорошее и свѣтлое настроеніе своихъ героевъ, то однимъ изъ способовъ вызвать переживаніе этого «свѣтлаго настроенія» является изображеніе на сценѣ яркаго солнечнаго дня, когда «вся комната какъ-бы залита солнцемъ». Свѣтъ вообще символъ радости, веселья и безоблачности душевной. Таковъ вкратцѣ способъ чисто свѣтовой символики.

Перейдемъ теперь къ символикѣ «пространственной» или символикѣ формы. Она встрѣчается какъ въ чистомъ видѣ, такъ и въ соединеніи съ другими видами сигнализаціи, въ особенности съ цвѣтовой. Возьмемъ буквы или письмена. Обратимся ли мы къ іероглифамъ, или къ клинообразнымъ письменамъ, или къ нашимъ буквамъ — всѣ они суть символы, прежде всего, опредѣленныхъ звуковъ (напр., значекъ, имѣющій форму «а» — есть символъ звука «а»), а затѣмъ опредѣленныхъ словъ и опредѣленныхъ мыслей. Книги, газеты, журналы и т. д. — всѣ они представляютъ частный видъ этой символики «формы». Громадная роль, которую

они играютъ въ соціальной жизни, сама собой понятна, и нѣтъ надобности ее подчеркивать. Возьмите далѣе всѣ эти знаки, въ родѣ △ □   и т. д. — все это виды этой же символики. Особенно рѣзко она выступаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Такъ, напр., кривая линія сама по себѣ обычно считается символомъ граціозности и гармоничности, тогда какъ ломаная — символомъ неуравновѣшенности, рѣзкости, грубости и т. д. Вся живопись есть ничто иное, какъ сумма цвѣтовой сигнализаціи съ сигнализаціей «формы». Возьмемъ для примѣра Левитановское «Надъ вѣчнымъ покоемъ». Здѣсь намъ даны очертанія тучъ, рѣки, холма, часовни и покосившихся крестовъ надъ могилами. Этотъ комплексъ цвѣтовыхъ и «пространственныхъ» значковъ служитъ символомъ множества различныхъ мыслей и переживаній: невольно приходитъ при взглядѣ на нее и сумрачная «покоящаяся» передъ бурей Русь 80-хъ годовъ, и Чеховское настроеніе, и вѣчный сонъ въ царствѣ смерти, и безсиліе человѣка передъ природой и т. д., и т. д. То же по существу представляетъ и всякая картина. Приво-

дить другіе примѣры излишне, ибо ихъ великое множество.

Дальнѣйшимъ видомъ символизаціи можетъ служить символизація двигательная или мимическая. Всѣ, конечно, бывали въ циркахъ и всѣ, конечно, видали такъ называемыя «пантомимы». Вотъ эти то «пантомимы» и могутъ служить превосходнымъ примѣромъ чисто двигательной символизаціи. Здѣсь та или иная мысль или то или иное переживаніе символизируется путемъ тѣхъ или иныхъ движеній. Если мы обратимся къ театральнымъ представленіямъ первобытныхъ людей, то увидимъ, что они почти цѣликомъ представляютъ символизацію этого рода. Какой-нибудь австралiецъ, желая передать другимъ жизнь кэнгуру или ящерицы, подражаетъ ихъ движеніямъ и воспроизводитъ ихъ способы передвиженія, ихъ походку, ихъ движенія и т. д. Точно также остяки сплошь и рядомъ даютъ «медвѣжьи» драмы и комедіи, гдѣ остякъ изображаетъ медвѣдя и копируетъ всѣ его дѣйствія и движенія. И въ нашей повседневной жизни мы сплошь и рядомъ пользуемся этимъ способомъ символизаціи. Когда насъ спрашиваютъ

о чемъ нибудь, мы сплошь и рядомъ вмѣсто отрицательнаго «нѣтъ» ограничиваемся рѣзкимъ кивкомъ головы или рѣзкимъ движеніемъ руки. Желая символизировать радость — мы улыбаемся, печаль — мы принимаемъ соотвѣтствующую позу и соотвѣтствующее выраженіе лица и т. д.

Особенно охотно къ этому способу прибѣгаютъ дѣти, не умѣющіе еще говорить, и глухонѣмые или слѣпые. У нихъ этотъ пріемъ «обнаруженія» или «овеществленія» психическихъ переживаній едва ли не главный.

Пропуская другіе второстепенные виды соціальной символики, остановимся еще на такъ называемой «предметной» символизаціи, представляющей обычно соединеніе всѣхъ указанныхъ видовъ символизаціи и особенно широко примѣняемой въ соціальной жизни. Не принявъ во вниманіе символизмъ соціальной жизни и въ частности «предметный» символизмъ, мы рискуемъ не понять самой сути многихъ явленій. Возьмемъ для примѣра государство. Обычное опредѣленіе государства, какъ суммы трехъ элементовъ: народа, территоріи и власти — при игнорированіи символизма

дѣлаетъ неразрѣшимыми тысячи проблемъ.

И проф. М. А. Рейснеръ вполнѣ правъ, когда указываетъ на идеологію и специфическій символизмъ, съ нею связанный, какъ одинъ изъ самыхъ основныхъ признаковъ, характеризующихъ государство (см. Государство, ч. I, гл. I-я.). Въ самомъ дѣлѣ, какъ иначе объяснить всѣ эти аттрибуты власти: скипетръ, державу, порфиру, гербы, знамена, короны, аксельбанты, петлицы и т. д. и т. д.

Если бы суть дѣла здѣсь была въ самихъ «скипетрахъ», «коронахъ», и «гербахъ», то мы по истинѣ имѣли бы передъ собой абсурдное и необъяснимое. Почитать и считать священными эти комплексы различныхъ то металлическихъ, то деревянныхъ предметовъ — поистинѣ было бы какимъ-то недоразумѣніемъ. Мало ли есть металлическихъ вещей и коронъ, мало ли есть жезловъ и т. д. — однако, они не почитаются. Значитъ, и здѣсь суть дѣла не въ скипетрахъ, жезлахъ и т. д., — а въ томъ, что эти послѣдніе суть только «предметные» символы опредѣленныхъ психическихъ переживаній, мыслей и чувствъ, именуе-

мыхъ государствомъ. Корона и зерцало цѣнны и святы не сами по себѣ, а лишь какъ символы «святыхъ» и великихъ мыслей, чувствъ и хотѣній. Подобныхъ «предметныхъ» символовъ въ соціальной жизни мы встрѣчаемъ буквально на каждомъ шагу. Возьмемъ для примѣра священныя или религіозныя реликвіи: храмы, статуи и иконы святыхъ, кресты, одежды, лампады и т. д.

Что такое любой храмъ? Почему онъ святъ болѣе, чѣмъ обыкновенный домъ? Вѣдь матеріалъ, изъ котораго онъ построенъ, тѣ же бревна и кирпичи, изъ которыхъ строятся и частные дома. Формы домовъ и церквей бываютъ различныя, и не въ формѣ дѣло. Отсюда само собой понятно, что церковь и др. религіозные предметы «святы» потому, что они суть «предметные» символы непредметныхъ и святыхъ психическихъ переживаній — религіозныхъ мыслей, представленій, чувствъ и т. д. Святость вторыхъ дѣлаетъ святыми и первыхъ. Оскорбленіе вторыхъ есть святотатство, и отсюда святотатствомъ является и оскорбленіе самихъ символовъ.

Говоря коротко, всѣ религіозныя

реликвіи — это застывшія въ вещественной формѣ религіозныя переживанія.

«Предметные» символы мы встрѣчаемъ и въ другихъ областяхъ соціальной жизни. Влюбленный дарить своей возлюбленной букетъ цвѣтовъ, символизирующихъ его любовь, ножъ символизируетъ ненависть, орелъ — мысль, вино — веселье и т. д. и т. д.

Таковы въ краткихъ чертахъ главнѣйшіе виды соціальной символики.

IV.

Происхожденіе и вліяніе символовъ.

Въ предыдущемъ мы кратко очертили различные типы соціальнаго символизма и убѣдились, что почти вся соціальная жизнь представляетъ сплошной потокъ символизаціи; вся соціальная жизнь извнѣ представляетъ постоянный обмѣнъ символическими кредитными знаками. Теперь намъ необходимо поставить слѣдующіе основные вопросы теоріи символизма и кратко отвѣтить на нихъ:

а) какова та общая почва, которая дѣлаетъ необходимымъ появленіе и существованіе символизма?

b) какъ вырастаютъ и появляются сами символы и какова та роль, которую играютъ они въ соціальной жизни?

c) почему той или иной мысли соотвѣтствуетъ тотъ, а не иной символъ?

d) и, наконецъ, какое вліяніе имѣютъ символы на саму душевную жизнь или психику человѣка, изъ которой они произошли?

Таковы главнѣйшіе вопросы. Что касается перваго изъ поставленныхъ вопросовъ, то въ предыдущемъ мы уже отвѣтили на него, а именно: въ виду того, что мысль, или, вообще говоря, психическое явленіе по своей природѣ «безплотно и невещественно», то во внѣ оно можетъ проявиться только тогда, когда оно «облачится» въ вещественную форму. А символъ и есть ничто иное, какъ эта вещественная форма мысли, или этотъ значекъ или сигналъ мысли. Такова основная причина, вызывающая необходимость символовъ.

Отвѣтивъ на этотъ вопросъ, теперь мы можемъ перейти и ко второму поставленному вопросу — а именно, имѣются ли какія-нибудь различія въ самихъ условіяхъ происхожденія или «рожденія» символовъ? Такія различія

несомнѣнны. Возьмемъ для примѣра область звуковыхъ символовъ и, въ частности, языкъ. Стоитъ для этого сравнить возникновеніе, напр., такихъ языковъ, какъ русскій, французскій, нѣмецкій — съ одной стороны, и возникновеніе такого языка, какъ эсперанто, — съ другой. Относительно каждаго изъ основныхъ «естественныхъ» языковъ — французскаго, латинскаго и т. д. — наука языкознанія доказала ясно и неопровержимо, что каждый изъ нихъ возникъ самопроизвольно и безсознательно: нельзя здѣсь говорить о томъ или иномъ лицѣ, какъ творцѣ языка, а равнымъ образомъ о какомъ-нибудь сознательно-цѣлесообразномъ его творчествѣ. Совершенно безсознательно возникнувъ изъ восклицаній, междометій и т. д., эти языки исподволь и незамѣтно усложнялись и измѣнялись на протяженіи вѣковъ, развившись въ концѣ концовъ въ богатую и сложнѣйшую симфонію звуковыхъ символовъ. Почему, напр., въ русскомъ языкѣ мысль «солнце» выражается звуками «с+о+л+н+ц+е», во французскомъ: „le s+o+l+e+i+l“ и т. д., мы не знаемъ и не можемъ говорить совершенно о томъ, что эта

связь между мыслью «солнце» и звуками «солнце» и «le soleil» кѣмъ то сознательно установлена. Нѣтъ, какъ эти слова, такъ и весь языкъ образовался здѣсь безсознательно, импульсивно, творцами его были сотни и тысячи поколѣній и т. д. Иное по своему происхожденію представляетъ, напр., такой звуковой концертъ символовъ, какъ языкъ эсперанто. Здѣсь уже творцами являются отдѣльныя лица, въ самомъ творчествѣ дана на лицо опредѣленная цѣль — созданіе простого общечеловѣческаго языка, а равнымъ образомъ на лицо здѣсь и сознательная установка связи между опредѣленной мыслью и опредѣленнымъ комплексомъ звуковъ.

Изъ сказаннаго видно, что по своему происхожденію символы подраздѣляются на безсознательно-установленные, гдѣ нѣтъ опредѣленной цѣли, и сознательно-установленные, гдѣ связь между опредѣленной мыслью и символомъ установлена вполнѣ сознательно. Всѣ «коренные» языки — могутъ служить иллюстраціей символовъ перваго

рода, языкъ эсперанто — иллюстраціей символовъ второго рода.

Это же различіе символовъ по своему происхожденію мы можемъ наблюдать постоянно на каждомъ шагу. Возьмемъ для примѣра сложные — звуко-двигательные символы. Возьмите для опыта лягушку или мышь и неожиданно поднесите ее молоденькой дѣвушкѣ. Въ большинствѣ случаевъ такой «сюрпризъ» вызоветъ у нея крикъ ужаса («ай, охъ» и т. д.) и рядъ движеній ужаса (маханіе руками и т. д.). Рядъ этихъ символовъ, выражающихъ опредѣленное душевное состояніе — страхъ, испугъ, ужасъ — даннымъ лицомъ производится совершенно инстинктивно, безъ всякаго сознательнаго выбора символовъ. Иное мы можемъ наблюдать, напр., на сценѣ, когда актеръ желаетъ выразить ту или иную мысль или то или иное душевное состояніе; — въ этомъ случаѣ — большею частью — его движенія, жесты, его мимика, тонъ его словъ сознательно установленъ и изученъ имъ, онъ «играетъ» и очень часто, хотя самъ онъ и не испытываетъ вовсе тѣхъ чувствъ, которыя онъ выражаетъ своей игрой, однако — ему удается заразить своей

символической игрой зрителей или слушателей.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ привести другія иллюстраціи сознательно-возникшихъ и безсознательно-появившихся символовъ, иллюстрацій, иногда представляющихъ любопытнѣйшій психологическій и соціологическій матеріалъ. Впрочемъ, послѣ сказаннаго читателю, вѣроятно, стала достаточно ясной разница между тѣми и другими символами.

Этотъ отвѣтъ на второй изъ поставленныхъ вопросовъ приводитъ насъ непосредственно къ третьему вопросу: почему той или иной мысли соотвѣтствуетъ тотъ, а не иной символъ? — иначе говоря, чѣмъ обусловливается вполнѣ опредѣленная связь между мыслью и символомъ, сигнализирующимъ эту мысль?

На этотъ вопросъ могутъ быть различные отвѣты. Прежде всего относительно многихъ безсознательно-возникшихъ символовъ нужно сказать, что нами совершенно затеряны тѣ вѣхи, которыя указывали бы на источникъ ихъ происхожденія. Но, вообще говоря, можно утверждать, что въ большинствѣ какъ сознательно, такъ и безсо-

знательно установленныхъ символовъ связь между той или иной мыслью и тѣмъ или инымъ символомъ покоится на психологическихъ законахъ ассоціацій, а именно — ассоціацій смежности и сходства.

Каждому, вѣроятно, извѣстно, что въ нашей душѣ образы (представленія) возникаютъ и смѣняются, именно слѣдуя или сходству или смежности. Когда у меня возникаетъ представленіе опредѣленнаго дома, вслѣдъ за этимъ же возникаетъ представленіе и улицы, на которой стоитъ этотъ домъ. Это объясняется тѣмъ, что и домъ, и улицу я видѣлъ смежными (пространственная смежность). Когда въ «головѣ» возникаетъ представленіе «о молніи», вслѣдъ за нимъ обычно появляется и представленіе грома, ибо обычно, когда я видѣлъ молнію, вслѣдъ за ней я слышалъ и громъ (временная смежность). Таковы простѣйшіе примѣры ассоціацій по смежности.

Другимъ основнымъ видомъ ассоціаціи является ассоціація по сходству. Образъ одного предмета или вызываетъ представленіе, сходное съ этимъ предметомъ цѣликомъ, или имѣющее какое-

нибудь частичное сходство. Портретъ человѣка вызываетъ образъ самого человѣка; увидѣвъ человѣка, почему либо сходнаго съ Сократомъ, я вспоминаю и образъ самого Сократа. Представленіе о спиральной линіи вызываетъ представленіе о штопорѣ. Слово «коса» въ смыслѣ волосъ, благодаря звуковому сходству слова «коса», вызываетъ представленіе «косы» какъ сельско-хозяйственнаго инструмента и «косы» какъ части берега, вдающейся въ рѣку. Таковы примѣры ассоціаціи по сходству.

Вотъ на этихъ то законахъ ассоціаціи и покоится связь между символомъ и мыслью, которую выражаетъ этотъ символъ. Приведемъ примѣры. Мысль оселъ выражается египтянами звуками (словомъ) «ео». Развѣ это слово не подражаніе реву осла? Символъ «ео», сходный съ ревомъ осла (ассоціація по сходству) и выражаетъ мысль объ ослѣ. Приведемъ еще рядъ примѣровъ: кошка (по китайски) «мау», соловей — «бульбуль» (по персидски), муха по австралійски «бумбероо», барабанъ — «дунду» (по санскритски), флейта по гречески «улюле», колокольчикъ по якасаски «ква-ля-ква-ляль» и т. д. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ опре-

дѣленная мысль выражена звуковымъ символомъ, сходнымъ съ звуками, которые производятъ эти предметы.

То же можно сказать и о другихъ символахъ. По вполнѣ вѣрному замѣчанію проф. Л. И. Петражицкаго (см. теорію права, т. II-й), мысль о правѣ и обязанности (аттрибутивно-императивное отношеніе) и выражается въ соотвѣтственныхъ двигательно-звуковыхъ символахъ. Здѣсь представленіе о долгѣ, закрѣпленномъ за однимъ, и правѣ, принадлежащемъ другому, выражается въ соотвѣтственныхъ символахъ—связыванія рукъ, «битья по рукамъ», разрыванія стебля, обмѣномъ слюны или дыханія, питья крови обязывающагося и т. д.

То же слѣдуетъ сказать и о другихъ символахъ. Мысль о солнцѣ символизируется въ видѣ рисунка, обозначающаго кругъ (сходство), о треугольникѣ символомъ △, квадратѣ — символомъ □. Переживанія веселья символизируются «мажорными» аккордами, печали — минорными, въ которыхъ слышны вздохи, рыданія, «нытье» и т.д.

Послѣ сказаннаго читатель самъ приведетъ сколько угодно примѣровъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что связь

символа и мысли покоится именно на ассоціаціи сходства.

Наряду съ этимъ, какъ уже было указано, эта же связь объясняется и ассоціаціей смежности. Возьмемъ для примѣра «крестъ», какъ символъ религіозной святыни и символъ страданія. Не заходя въ глубь религіи арійцевъ, а ограничиваясь исторіей христіанства, мы видимъ, что символика креста основана на ассоціаціи смежности. Образъ Іисуса Христа, распятаго на крестѣ, вызываетъ и представленіе креста; святость Христа переносится по ассоціаціи и на крестъ, и крестъ становится вообще символомъ христіанства, а затѣмъ и символомъ страданія вообще. Христосъ, какъ человѣкъ (какъ Богъ онъ не могъ страдать), будучи пригвожденнымъ къ кресту, страдалъ. Мысль о страданіи Христа обобщается и, благодаря смежности, переносится на крестъ, въ силу чего крестъ и становится символомъ страданія.

Подобныхъ примѣровъ можно было бы при желаніи привести, сколько угодно.

Тѣ же принципы ассоціаціи, хотя и въ менѣе яркомъ видѣ, выступаютъ и въ случаяхъ вполнѣ сознательнаго установленія символовъ. Характерны

въ этомъ отношеніи, если приглядѣться, напр., такіе предметные символы, какъ «царскіе скипетры, державы», «зданія храмовъ» и «формы различныхъ вѣдомствъ». Мысль о томъ, что царь держитъ въ своихъ рукахъ все царство и землю — вызвала и символъ скипетра и державы, представляющей «шаръ» (символизація земли), который онъ держитъ въ рукахъ, и жезлъ — символъ власти надъ землей. Загляните въ учебникъ богослуженія, и вы тамъ увидите полное объясненіе архитектурной символики храма и его предметовъ. Крестообразное очертаніе фундамента — символъ креста, обращеніе алтаря на востокъ — символъ того, что съ «востока намъ свѣтъ возсія», куполъ храма обозначаетъ небесный куполъ и т. д.

Когда существовало еще убѣжденіе въ томъ, что люди дѣлятся на людей «бѣлой кости» и «черной кости», когда существовало раздѣленіе общества на касты — духовенства, воиновъ и простыхъ смертныхъ, — эта мысль о различіи людей необходимо должна была символизироваться такъ или иначе и во внѣшнихъ знакахъ. Формы

одежды и представляютъ символъ этого различія, соотвѣтствующій при томъ занятію и спеціальности каждой касты. Одежда жрецовъ говоритъ намъ объ ихъ духовномъ величіи, о томъ, что они служители Бога, отрѣшенные отъ заботъ міра сего. Отсюда — черныя рясы, капюшоны, величавое и спокойное лицо и т. д. Иное представляетъ «форма» воиновъ. Она по своей сущности воинственна. Латы, кольчуги, шлемы, мечи, щиты, кинжалъ, шпоры, и т. д. — все это символы воинственности и орудія битвы, которая и являлась спеціальностью воиновъ. Одежда же простыхъ смертныхъ проста и незатѣйлива. Если обратить вниманіе, напр., на кокарды нашихъ вѣдомствъ, то и здѣсь символика почти цѣликомъ построена на ассоціаціи сходства. Кокарда студента «лѣсника» изображаетъ вѣтки деревьевъ, технолога и путейца — «топоръ и якорь», психо-невролога — «чашу мудрости, изъ которой пьютъ мудрость змѣи» и т. д.

Вообще исчерпать конкретно всѣ виды символики, основанной на сходствѣ и смежности невозможно. Ихъ великое множество.

Отвѣтивъ на вопросъ, почему та

или иная мысль выражается въ тѣхъ, а не иныхъ символахъ, поставимъ теперь обратный вопросъ: «а какъ дѣйствуютъ символы, въ свою очередь, обратно на самую мысль или психику человѣка?»

Отвѣтъ будетъ гласить: символы могутъ преобразить и преображаютъ саму психику человѣка въ направленіи, соотвѣтствующемъ смыслу символа. «Человѣкъ, выступающій въ качествѣ предсказателя или жреца, подобно актеру, измѣняетъ свое поведеніе согласно плану и образамъ, которые рисуетъ ему религіозный законодатель», совершенно справедливо говоритъ М. А. Рейснеръ. «Не только его внѣшнее поведеніе, движенія и жесты, но и его внутреннее настроеніе, чувство и воля наперед предопредѣлены рядомъ подробныхъ предписаній, которыя даютъ въ общемъ не менѣе опредѣленную роль, чѣмъ даетъ это драматургъ въ своей пьесѣ», не менѣе справедливо продолжаетъ онъ. (См. Государство, ч. I., стр. 9—10).

И дѣйствительно, сплошь и рядомъ намъ приходится встрѣчаться съ подобными трансформаціями. Военный

человѣкъ или губернаторъ, одѣтый въ простую штатскую одежду и находящійся въ салонѣ или въ простомъ собраніи совершенно отличается и по манерамъ, и по жесту, и по голосу и вообще по поведенію отъ того же человѣка, находящагося при «исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей». Въ первомъ случаѣ онъ простъ, привѣтливъ, вѣжливъ и искренень, какъ и всѣ мы, простые смертные; во второмъ же случаѣ онъ становится неузнаваемымъ: появляется важное лицо, властныя движенія, чопорность, торжественность и напыщенность всего поведенія; обычная мягкость смѣняется какой-то формальностью, сухостью, порой жестокостью и т. д. Вообще человѣкъ вдругъ перерождается. Особенно ярко это вліяніе символа на психику можно наблюдать у судей. Въ лѣтописи судовъ и пытокъ извѣстны примѣры, гдѣ человѣкъ, безжалостно выносящій самые суровые приговоры, обрекавшій на ужаснѣйшія пытки своихъ жертвъ при «исполненіи своихъ обязанностей», придя домой и снявши знаки своего судейскаго достоинства, плакалъ горячими слезами надъ безсердечностью судей и надъ своей безсердечностью, рвалъ на

себѣ волосы и нерѣдко кончалъ съ собой. Этотъ трагикомизмъ и объясняется рикошетнымъ вліяніемъ символа на психику. Какъ простой смертный онъ былъ милосердъ, но какъ только надѣвалъ свои «символы» — онъ, помимо своей воли, благодаря «магическому» вліянію символовъ, измѣнялся и мыслилъ: «fiat justitia и pereat mundus» (да здравствуетъ справедливость и пусть гибнетъ міръ!).

То же мы видимъ и въ другихъ случаяхъ рикошетнаго дѣйствія символовъ на психику людей.

Изъ приведенныхъ примѣровъ ясно то громадное значеніе, которое производятъ символы на психику. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду еще слѣдующій любопытный фактъ, имѣющій мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда символы устанавливаются сознательно. Возьмемъ фактъ съ флагомъ. Вначалѣ этотъ флагъ (или стягъ) является простой эмблемой опредѣленнаго полка. Но фигурируя очень часто въ этой роли въ дальнѣйшемъ, онъ получаетъ нѣсколько иное значеніе. Вначалѣ флагъ самъ по себѣ б е з цѣ н е н ъ, онъ только лоскутокъ матеріи; долженствующій изображать опредѣленный полкъ. Но

затѣмъ, при частомъ выполненіи своей эмблематической функціи, флагъ постепенно начинаетъ пріобрѣтать какую-то цѣнность, которая приписывается ему, уже какъ таковому, которая становится его цѣнностью, — однимъ словомъ, флагъ изъ простой эмблемы превращается въ какую-то самоцѣнность и въ полномъ смыслѣ слова становится фетишемъ. Солдатъ умираетъ очень часто за флагъ, не только какъ за эмблему родины, но и за флагъ, какъ таковой. Въ его умѣ исчезаетъ мысль, что флагъ самъ по себѣ — ничто, простой лоскутокъ, что его цѣнность — цѣнность производная; эта мысль всецѣло замѣняется мыслью, что надо умирать именно за самый флагъ, какъ таковой, что самый флагъ — цѣненъ. Здѣсь происходитъ тотъ же процессъ превращенія символа въ фетишъ, что фактически бываетъ почти во всѣхъ областяхъ общественной жизни.

Особенно разительны примѣры этого перехода символа, не имѣющаго самостоятельной цѣнности, въ фетишъ, становящійся самоцѣнностью,—въ области религіозной жизни. Возьмемъ любую религію, начиная отъ первобытныхъ, наивныхъ вѣрованій и кончая

развитыми религіозными системами — почти весь культъ ихъ и всѣ религіозныя реликвіи представляютъ сплошное превращеніе символа въ самоцѣнность. Обоготвореніе кусковъ дерева («чуринги» австралійцевъ), камней, скалъ, опредѣленныхъ животныхъ и растеній, напр., крокодиловъ, кошекъ, быковъ, ибисовъ въ Египтѣ и т. д.) — все это примѣры, подтверждающіе сказанное. Справедливо говоритъ М. М. Ковалевскій, что «однимъ фетишизмомъ можно объяснить ту вѣру, что, ударивъ кликушу о царскія врата, можно избавить ее отъ ея одержимости или бѣсованія». Статуя «Мадонны», въ воззрѣніи простого человѣка-католика, перестаетъ быть символомъ и становится самоцѣнной святыней. Она для него не знакъ, изображающій Св. Марію, и не знакъ, напоминающій то или иное священное событіе; нѣтъ, она сама для него святыня, онъ молится ей, какъ таковой, совершенно забывши о томъ, что она только символъ.

Частнымъ примѣромъ тоже является исторія культа дерева и его символовъ. «Отъ культа дерева, говоритъ тотъ же проф. Ковалевскій, произошелъ и культъ его символическихъ изобра-

женій: священный шестъ у американскихъ краснокожихъ» и крестъ у краснокожихъ Мексики и Центральной Америки. «Раннее искусство нерѣдко прибѣгаетъ къ кресту, какъ къ символическому изображенію дерева, а такъ какъ дерево, въ свою очередь, служитъ выраженіемъ жизни и вѣтровъ, порождающихъ дожди и воду, то и крестъ является нерѣдко условнымъ символическимъ знакомъ всего этого».*) Вначалѣ будучи простымъ знакомъ, онъ постепенно сталъ самодовлѣющей цѣнностью для этихъ примитивно-языческихъ народовъ Мексики и Америки и превратился, такимъ образомъ, изъ символа въ цѣнность, которая уже почитается сама по себѣ.

То же самое происходитъ и въ другихъ областяхъ соціальной жизни; такъ называемая «честь мундира» у военныхъ, — уже по своему выраженію говоритъ намъ объ этомъ превращеніи знака въ самодовлѣющую святыню. Сорвать погоны, или издѣваться надъ символами того или иного полка не позволитъ ни одинъ уважающій себя

---

*) Ковалевскій. Соціологія, т. II, 267.

офицеръ: онъ покончитъ скорѣе съ собой, а не дастъ «замарать» честь полка или мундира.

Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ видно, что какой-нибудь предметъ, будучи вначалѣ простымъ знакомъ, при продолжительномъ функціонированіи становится самодовлѣющимъ началомъ, которое уважаютъ и цѣнятъ уже какъ таковое, какъ какую-то цѣнность, тогда какъ фактически оно, какъ было, такъ и осталось тѣмъ же лоскуткомъ или кускомъ дерева или просто символомъ.

Принявши во вниманіе сказанное, мы поймемъ вышеприведенное, рикошетное дѣйствіе символа на психику людей. Человѣкъ, принужденный имѣть дѣло съ символомъ, превратившимся въ фетишъ, и самъ становится какъ бы причастнымъ къ этому фетишу. Если символъ-фетишъ считается кѣмъ-либо важной святыней, то и человѣкъ пріобщается къ этой святости, разъ онъ входитъ съ ней въ близкое соприкосновеніе. И въ своей, и въ чужой психикѣ въ этомъ случаѣ онъ уже не простой смертный, но человѣкъ, причастный къ святости

символа и, до извѣстной степени, носитель этой святости. Отсюда неизбѣжна та моментальная перемѣна, примѣры которой были приведены выше. Судья, надѣвшій цѣпь и возсѣдающій за судебнымъ столомъ, благодаря этимъ символамъ-фетишамъ, сразу, (сознательно или безсознательно) измѣняетъ свою психику и изъ «милаго и добрѣйшаго Иванъ-Иваныча, который и мухи не обидитъ», «чудесно» превращается въ неумолимаго и жестокаго вершителя судебъ человѣческой жизни. Даже и законъ въ этомъ случаѣ считаетъ его не «Иванъ-Иванычемъ», а чѣмъ-то болѣе важнымъ, что и выражается, напр., въ болѣе строгомъ наказаніи лицъ, оскорбившихъ «Ивана Ивановича» при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей. Все сказанное примѣнимо и къ ряду другихъ примѣровъ. Человѣкъ, несущій какую-нибудь религіозную реликвію (вспомнимъ, напр., «Графъ Габсбургскій» Жуковскаго), офицеръ, или генералъ облеченный въ свою форму, и т. д., совершенно отличны отъ нихъ же самихъ, лишенныхъ своихъ символовъ. Тотъ же генералъ, который сегодня по-товарищески кутитъ съ офицеромъ, завтра (при на-

личности генеральскихъ символовъ) уже совершенно иначе относится къ тому же офицеру.

Не только вещественные въ узкомъ смыслѣ, но и вещественные въ болѣе широкомъ смыслѣ символы испытываютъ очень часто то же измѣненіе и производятъ такую же пертурбацію въ психикѣ человѣка. Для примѣра можно взять хотя бы словесные символы (звуковые) и, въ частности, молитвы. Молитва очень часто вначалѣ была совокупностью звуковыхъ символовъ, означавшихъ просьбу человѣка къ божеству; иначе говоря, она была простымъ средствомъ. Но мало-по-малу она въ рядѣ религій, какъ, напр., въ веддійской (брахманъ), въ Авестѣ и т. д., превратилась въ какую-то самоцѣнно-магическую формулу, всесильную и способную управлять самими силами природы. То же представляютъ и всѣ такъ называемые заговоры. И здѣсь, слѣдовательно, слово — символъ стало словомъ-фетишемъ. А вслѣдствіе этого немудрено, что и люди, знавшіе эти формулы, (напр., брахманы у арійцевъ отъ брахманъ-молитва), сдѣлались тоже «священными»

и высшими по сравненію съ простыми смертными.

Таково вкратцѣ рикошетное вліяніе символа на психику, вызываемое часто тѣмъ, что символъ превратился въ фетишъ.

На этомъ мы и окончимъ эскизъ соціальнаго символизма. Какъ видно изъ сказаннаго, проблема эта достаточно важна и интересна и можетъ дать цѣлую научную систему, объясняющую многія загадки соціальной жизни. Здѣсь, конечно, мы могли провести только штрихи будущей науки соціальнаго символизма; однако эти штрихи показываютъ, что при достаточномъ терпѣніи и способностяхъ они могутъ послужить отправной точкой для плодотворнѣйшихъ соціологическихъ изслѣдованій.



Научно-популярная библіотека

«НАУКА и ЖИЗНЬ»

по своей доступной цѣнѣ, формѣ изложенія и своему содержанію должна давать возможность всякому безъ исключенія оріентироваться во всѣхъ самыхъ жгучихъ жизненныхъ вопросахъ этики, экономики, медицины и другихъ отраслей науки, литературы и искусства.

Каждый выпускъ 5 коп.

Книгоизд. «НАУКА и ЖИЗНЬ».
РИГА, почт. ящ. 1170.

Вышли изъ печати:

№ 1. **Левъ Николаевичъ Толстой**, его жизнь и творчество.
№ 2. **Бактеріи** и ихъ отношеніе къ заразнымъ болѣзнямъ.
№ 3. **Происхожденіе человѣка.**
№ 4. **Гигіена.**
№ 5. **Политическія партіи въ Германіи.**
№ 6. **Женскія болѣзни.**
№ 7. **Избирательное право въ Государственную Думу.**
№ 8. **Гигіена зубовъ и полости рта.**
№ 9. **Новый законъ о воинской повинности.**
№ 10. **Пищевые продукты и ихъ фальсификація.**
№ 11. **Государственная Дума.**
№ 12. **Уходъ за грудными дѣтьми.**
№ 13. **I. Изобрѣтенія и изобрѣтатели.**
№ 14. **II. Изобрѣтенія и изобрѣтатели.**
№ 15. **Судъ и свобода личности.**

№ 16. **Государственныя формы. I. Современная Монархія.**

№ 17. **Государственныя формы. II. Современная Демократ**

№ 18. **Происхожденіе и гибель**

№ 19. **Самоубійство,** какъ общес явленіе.

№ 20. **Человѣкъ и земля.**

№ 21. **Начатки человѣческой ку**

№ 22. **Преступность и ея причи**

№ 23. **Происхожденіе и развитіе**

№ 24. **Гигіена дѣтей школьнаг раста.**

№ 25. **Женскіе типы Шекспира. I**

№ 26. **Бракъ встарину.**

№ 27. **Реклама, какъ факторъ вн**

№ 28. **Дѣти-преступники.**

№ 29. **Грязевыя ванны и морс панія.**

№ 30. **Воздушныя и солнечныя**

№ 31. **Новый законъ о страхов бочихъ.**

№ 32. **Символы въ обществ. жи**

Готовятся къ печати: Наслѣдств Теософія. Женскіе типы Шекс Исторія философіи (рядъ кн Исторія искусства (рядъ кн Исторія литературы (рядъ кн «Сверхчеловѣкъ» Фр. Ничше ученіе. Ибсенъ, его жизнь чество. Преждевременная с Проституція, какъ факторъ ности. Половыя болѣзни. Государство и церковь. На и Александръ I.